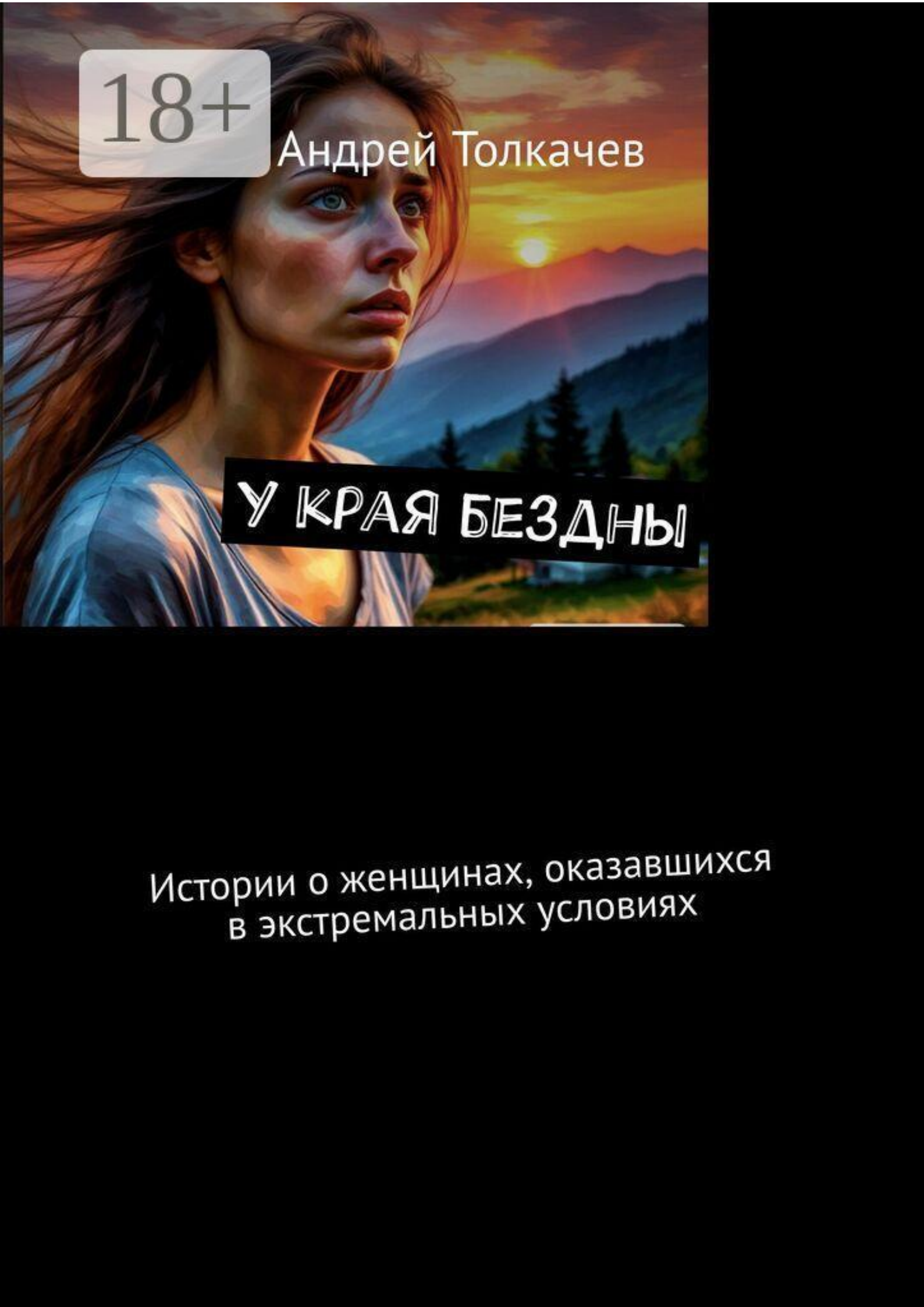

18+

Андрей Толкачев

У КРАЯ БЕЗДНЫ

Истории о женщинах, оказавшихся
в экстремальных условиях

Андрей Толкачев

**У края бездны. Истории
о женщинах, оказавшихся
в экстремальных условиях**

«Издательские решения»

Толкачев А. Н.

У края бездны. Истории о женщинах, оказавшихся
в экстремальных условиях / А. Н. Толкачев — «Издательские
решения»,

За каждой из шести историй стоит реальная судьба и отчаянная борьба
со смертью. На тяжелых маршрутах дорог, в горах и пустынях, на реке и даже
на небесной высоте. Шесть героинь и шесть испытаний, — там, где спасение
рождается из железной воли, редкого стечения обстоятельств и непокорности
судьбе. Повесть «Бездна Дхау» была ранее опубликована Ридеро отдельной
книгой. В сборнике повесть издана в новой редакции.

© Толкачев А. Н.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
24 часа до...	7
Рассказ	7
Пролог	8
Часть 2. Слова	10
Часть 3. Тропа и вода	11
Часть 4. Чёрный камень	12
Эпилог	14
Спаси меня, река	15
Рассказ	15
1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

У края бездны Истории о женщинах, оказавшихся в экстремальных условиях

Андрей Толкачев

Наталии и Полине посвящается

© Андрей Толкачев, 2026

ISBN 978-5-0071-4226-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Чтение можно начинать с любой истории. Для этого позвольте коротко представить каждый рассказ для Вашего выбора.

— **«24 часа до...»** — Психологический рассказ-драма. Кира под подозрением следователя в смерти подруги. Но правда куда страшнее. И эта правда откроется с новой стороны как следователю, так и Кире. Она не в уликах, а в словах мужа: «У тебя — 24 часа». Что там произошло? Нелепый случай, сбывшееся пророчество или осознанный шаг в бездну, — решать читателю.

— **«Спаси меня, река»** — Рассказ-исповедь женщины с диагнозом, прозвучавшим как приговор. Её мечта — сплав по бурной реке, где каждый порог может стать последним, наконец осуществилась. Может ли она спастись? Об этом знает только река.

— **«Бездна Дхау»** — Повесть, которая была ранее опубликована отдельной книгой в издательстве Ридеро. В данном сборнике публикуется в новой редакции. Тема восхождения на гору Дхаулагири. На высоте 6900 метров сошла лавина. После исчезновения Кати Арсений ищет точку, где реальность дала трещину. Горы забирают не только жизни отважных людей, но и ответы на самые нелепые мысли и неудобные вопросы.

— **«8 минут Ларисы Савицкой»** — Документальное эссе о спасении женщины, после падения с высоты 5220 метров в хвосте потерпевшего катастрофу самолёта. Восемь минут свободного падения и трое суток в глухой тайге. Чего ей это стоило?

— **«История Натальи Наговицкой»** — Документальное эссе о трагедии на высоте 7140 метров. Наталья ломает ногу при спасении альпиниста на спуске с пика Победы и ждёт спасателей. Что будет предпринято? Что увидят спасатели с вертолета?

— **«Пленница пустыни Си Махмуд...»** — очерк об исторической личности, удивительной женщине, в молодом возрасте принесящей себя в жертву африканской пустыне.

В первых трех историях имена героев изменены, ибо изложение материала об их судьбах состоялось в форме художественного рассказа и повести. В трех последних историях — события изложены документально и реальные имена сохранены.

24 часа до...

Рассказ

Пролог

Старший лейтенант Руденко кашлянул в кулак, недовольно постучал ручкой по столу, тяжело откинулся на спинку стула, тут же резко вернул тело в исходное положение, бросив руки на стол, и тихим, заговорщическим тоном сказал:

— Кира Александровна, я битый час слушаю ваши сказки. А теперь послушайте меня. Первое — я вас засажу, чего бы мне это ни стоило. А второе — скажу, как всё было на самом деле. Марина В. поссорилась с мужем. Вы тут как тут. Ещё бы, лучшая подруга. А что она не знала: вы на её мужа глаз положили, ещё с прошлого Нового года. У парня бизнес от папы, две квартиры и коттедж в элитном посёлке. Есть фотографии объятий на вашем телефоне, который мы у вас изъяли. «А давай, подруга, махнём туда, где Макар телят не пас. Например, на озеро Чейбек-Кёль. И всё твоё горе-горюшко выветрится одним махом». Так вы ей сказали. И махнули.

Руденко снова откинулся на спинку стула, и обратил внимание, что Кира не шелохнулась. Даже не моргнула. «Надо поддеть её чем-то», — решил он и сказал:

— Что-то даже селфи вместе не сделали. Ревность кипела, да? Ну признайтесь, какой смысл отпираться? Только дольше будете сидеть после этого. Были у нас уже такие, упертые.

Кира опять не подала никакой реакции. Она рассеянно смотрела на стену, покрашенную ядовитой зелёной краской.

«Она, скорее всего, боится, — смекнул следователь, — дожимай её, пока она ещё тёпленькая». Нужно её расколоть, чтобы написала признательные показания. Тогда его ждёт досрочное присвоение звания за высокие показатели и успешное расследование сложных дел. Он станет капитаном юстиции. А там и старшим следователем назначат. Ну же! — скомандовал он себе и сделал глубокий вдох.

— А теперь самое главное, Кира Александровна... «...А там можно подъехать на машине?» — наверняка так спросила Марина. Но это в ваши планы не входило. «Да что ты! От села Акташ крутим педали. Экстрим!» — сказали вы. А я скажу, почему. По вашему плану, где-нибудь на грунтовке будет привал. А там много камней — один раз ткнуть по голове, и готово. Ну кому придёт в голову, что Марина не сама упала на камни? Рассказать, что было потом? Вы в шоке, вы прёте на всех парах в село... Одно забыли: ваши пальчики на камне остались. И тело погибшей зачем-то передвигали. Хотели спрятать, да не вышло.

Кира сидела напротив, сцепив пальцы на коленях, и слушала его ровный, металлический голос. Но внутри, где-то под рёбрами, всё сжималось в тугую узел. Она не слышала Руденко. Она слышала ветер. Тот самый ветер, который дул им в лицо ещё вчера. Часть 1. Белый камень

Солнце только начинало золотить крыши домов, когда мы выкатили из села Акташ. Акташ — в переводе с алтайского «Белый камень».

Я помню, как Марина, задорно крутанув педаль, крикнула мне на ходу: «Кирюха, мы стартуем от белого камня! Значит, впереди нас ждёт чёрный. Это к удаче, милая!»

Марина в это утро была не просто весёлой — она была какой-то неестественно лёгкой, будто внутри неё отключили тормоза. Всё, что обычно сдерживает человека — осторожность, расчёт, страх, — исчезло. Она выехала на дорогу и подставила лицо ветру, и я видела, как она жмурится и улыбается, как ребёнок, которого выпустили гулять после долгой болезни. Её тело двигалось легко, почти невесомо, и я поймала себя на мысли, что завидую ей. Завидую этой свободе, этой пьянящей лёгкости, этой способности не думать о плохом. Я пробовала. У меня так не получалось. У меня внутри сидел кто-то другой — осторожный, цепкий, недоверчивый. Он сжимал мне горло и шептал: «Остановись. Не надо. Вернись».

— Не расшибись! — почему-то заорала я.

У Марины опыта на велосипеде в горах — кот наплакал. А она летит на всех парах. Возбуждённая до предела. Намучаюсь с ней, — вот тут, внутри кольнуло какое-то нехорошее, липкое чувство.

И про озеро... Чейбек-Кэль в переводе «Мёртвое озеро». Я знала перевод, но не сказала ей. Подумала: «Зачем портить человеку настроение?» Теперь я понимаю — я должна была сказать. Тогда бы, может, всё произошло иначе, может, она была бы осторожной. Но она... Она превращала нашу поездку в приключение.

Асфальт после ночи почему-то был тёплым, но ветер, дующий со стороны Чуйской степи, уже норовил снести нас с дороги. Ерунда! Просто приходилось низко пригнуться к рулю, чувствуя, как напрягаются мышцы спины и рук. Я-то привычная, а вот Маринка...

Впереди зеленели горы, слева тянулась бескрайняя, выжженная солнцем равнина, а справа, за полосой кустарника, угадывалась холодная синева реки Чуя. Мы почти не разговаривали — только кричали друг другу короткие фразы.

— Держись левее! — орала я. — Едешь опасно. Тебе ещё детей рожать.

— Не бойсь, Кирюха! — смеялась она в ответ. — Я сегодня бессмертная!

Я тогда подумала: «странные слова она говорит». «Бессмертная» — к чему это сказала? Она вообще весь день говорила так, будто прощалась. Радовалась всему, как ребёнок. Каждой травинке, каждому облаку. Я списала это на развод с Борисом — вчера она от него ушла, ещё не успела остыть, не дай Бог, депрессия начнётся.

Она кричала: «Смотри, какая синева! Мы летим!» А у меня внутри нарастала тягучая тревога. Мне казалось, что мы едем не к озеру, а в пропасть. Но я ругала себя за это и гнала эту мысль.

Когда вдалеке показалась турбаза, мы выдохнули. Скоро привал. Асфальт кончился, началось бездорожье, но это значило, что первая часть пути позади.

После шести километров пути мы сделали привал у Гейзерового озера, у подножия Северо-Чуйского хребта. Высота там что надо.

— Где гейзеры?! — кричала Маринка.

— Да это просто название. Оно всех вводит в заблуждение. Его еще называют «голубым», «бирюзовым», серебряным». Потому что вода там чистейшая и бирюзовая. Настоящих гейзеров с фонтанами горячей воды и пара, конечно, нет. Озеро питается подземными родниками, которые бьют со дна и поднимают глину с песком. А глина здесь голубая. Но самое интересное: эта взвесь, пока оседает, как художник, изображает на поверхности концентрические круги и разводы. Еще берега сказочные.

Марина тут же вошла в роль блогерши: бросила велосипед, встала на колени перед водой и стала снимать видео для своих подписчиков. Потом предложила вместе сделать селфи. А я сказала, пока не доедем до конечной точки, делать селфи — плохая примета. Так и сказала.

Я сидела на камне и смотрела на неё. Красивая, растрёпанная, с развевающейся косой, она так вдохновенно говорила в камеру про осень, про душевное тепло, про то, что отпускает лето с благодарностью. А я знала, что она врёт. Знала — скрывает свою боль. Ведь её выдавали глаза. Они горели каким-то нездоровым, лихорадочным огнём. Мне стало страшно. Мне захотелось обратно. Но как? На середине пути разве её уговоришь.

Часть 2. Слова

Свернув на грунтовку у турбазы, мы словно попали в другой мир. Ветер стих, и в уши ударила тишина, нарушаемая лишь шелестом покрышек по гальке и песку. Слева от дороги показалось озеро Узун-Кёль — на спуске я сорвала голос, пока орала Марине: «Тормози!» Она неслась. Орала: «Камень попадёт и выбьет руль!» Она неслась. И ловко проскочив по камням, лихо затормозила у самой воды, бросила велосипед и закричала, запрокидывая голову:

— Красотища какая!

— Ну ладно, скажи, что у вас стряслось? — не выдержала я.

И она повторила слова Бориса, которые он бросил ей на прощание: «Ты же погибнешь. Даю тебе 24 часа. И ты приползёшь обратно и будешь меня умолять. Суток без меня не проживёшь». Потом добавила: «В 16.15 время истекает. Он мне дал пожить 24 часа».

Я тогда сказала: «Дурак он, не обращай внимания». А про себя подумала: «Как можно кидаться такими словами? Бросил, как грязную тряпку в лицо». и не спросила о том, что у них все-таки произошло.

И что за фраза «Даю тебе 24 часа»? А? Откуда он это взял? Правда, я давно подозревала, что в его семье родственники все «шардабахнутые». И вот!

Смотрю, моя Марина сникла совсем. Видно, слова его резанули. А теперь, когда это случилось, жгут меня изнутри.

Нам следовало быть осторожными, а не сумасшедшими.

Часть 3. Тропа и вода

Дальше начался самый сложный участок. Мы вошли в Красные ворота — узкий проход между двумя отвесными скалами, сложенными из пород с примесью киновари.

Высота, если посмотреть вверх, — метров пятьдесят, если не больше.

Красные следы на камнях, будто кровь. Кому это нравится? Местные говорят: богатырь раздвигал здесь горы и ободрал плечи до крови. Нормальная легенда, шучу. Марина остановилась посреди этого коридора, провела рукой по шершавой стене и тихо сказала:

— Знаешь, Кир, а ведь Борька прав. Он всегда прав. Мы шли к разрыву давно. Но когда я закрывала дверь, он сказал, что я без него пропаду. А я хочу доказать, что нет.

— Ты никому ничего не должна, — ответила я своим охрипшим голосом, сердце билось как бешеное.

— Да, ты права, но часики тикают, — ответила она. — Тик-так, тик-так.

Я не нашлась, что сказать. Мы двинулись дальше. Указатели — деревянные столбики с номерами экотропы — вели нас через холмы. Дорога то взлетала, заставляя вставать с сёдел, то ныряла вниз, к руслам пересохших ручьёв. Я смотрела на Марину впереди: её коса развевалась, плечи ритмично двигались. Она была супер! Я еле за ней попевала.

Не знаю, откуда к ней пришла эта уверенность. Может, от запахов трав, запаха мяты, который кружил голову. Может, от этих скал. Она ехала с радостью ребёнка, который знает, что завтра праздник и не надо в школу.

Часть 4. Чёрный камень

Последний километр мы катили почти накатом. Указатели привели нас на широкую, продуваемую ветром седловину — и вдруг, между двумя пологими холмами, открылась вода.

Она была не просто синей. Она была как акварель, залитая в природную емкость. Высокогорное озеро Чейбек-Кёль лежало на высоте 1816 метров, вытянувшись между горами, как ребёнок на полу перед родителями. Когда к нему приближаешься, всегда чего-то ожидаешь.

Мы подкатили к берегу. Оставили велосипеды на траве. Марина вроде сбросила вчерашнюю обиду, стащила шлем, отбросила его в сторону и пошла к воде. Она раскинула руки, подставила лицо ветру и закричала:

— Я здесь! Я дошла!

Вот, думаю, вырвалась женщина на свободу. Всю дорогу раскидывает руки, и кричит, как альбатрос не ветер.

Мы сидели на камнях, распустив волосы, но не распустив языки. Марина смотрела на озеро и улыбалась. Потом повернулась ко мне и сказала спокойно, тихо, почти шёпотом:

— Кирюха... Чейбек-Кёль — это же Мёртвое озеро, да?

— Да, ну и что?

— Ты зря умалчивала, я то ведь знала. А ты зря..., — она наклонила голову, будто что-то искала под ногами. — Что касается Борьки... Помнишь, в прошлом году я загремела в больницу. Так я тогда так испугалась, мне так там стало хреново, что звонила ему, чтобы он приехал и ночевал там, хотя понятно, что там негде. Но он приехал и мне стало спокойнее. А я ему: «Вот видишь, я без тебя и 24 часа не протяну».

— Но это не дает ему права...

Но она меня перебила:

— Да ладно, глянь на часы.

Я посмотрела, сказала: «15.47». И тут меня прорвало.

Я стала говорить, что нам надо дожждаться вечера. Вечер на озере Чейбек-Кёль — это время, когда горы и вода договариваются о спокойствии и тишине. Солнце уже ушло за хребет, но небо ещё держит свет — неярко, размытый, будто акварель, которую вот-вот смоет дождь. Вода в озере — тёмная, почти чёрная, и в ней, как в зеркале, опрокинулись вершины: острые, покрытые кедром, они кажутся ещё выше, чем днём, потому что в сумерках всё, что смотрит вниз, становится значительнее.

И она слушала.

Да, Чейбек-Кёль называют «Мёртвым озером», но это из-за рыбы. Не водится рыба. Поэтому ни всплеска, ни круга на воде. Зато можно слушать птиц. Где-то далеко, на другом берегу, может закричать кедровка — резко, коротко, — надо дожждаться. Ведь этот крик гаснет в скалах, не оставляя эха.

Я сказала ей, что пахнет хвоей и чем-то ещё — неуловимым, древним, будто само время здесь замедлило шаг. Вечером вода перестаёт отражать небо и начинает отражать тьму. И это надо увидеть. Вечером озеро дышит — глубоко, ровно, и нам можно будет дышать вместе с ним.

И она слушала.

И только когда последний луч растворяется за перевалом, на небе проступают звёзды. Их много — крупных, ярких, будто Боженька рассыпал по чёрному бархату огоньки. Они падают в воду, и озеро принимает их с благодарностью, — так же, как принимало всё: ветер, дождь, снег. И в этом молчании, в этой чёрной глади, в этом безмолвии, вдруг становится ясно: Чейбек-Кёль — это место, где надо благодарить жизнь и ничего не просить взамен.

И она слушала. А потом вдруг сказала:

— Зачем ты меня успокаиваешь? Ну, что со мной может случиться? У меня, как у антарктической рыбы, прозрачная кровь. Кровушка прозрачная, понимаешь? — и потрясла меня за плечо.

— Маришка, прекрати, — прошептала я.

— А почему я не могу от него вырваться? Почему я, как под гипнозом от его слов?

— ...

— Ты не представляешь, как здорово почувствовать эту свободу, после этого и умереть не страшно, — засмеялась она.

— Мара! — вдруг выкрикнула я её давнее прозвище.

Никакой реакции. Она села на велосипед и рванула по камням.

— Маришка, прекрати! — закричала я.

Но она уже не слушала. Я не успела крикнуть ещё раз, как она слетела с велосипеда. Я застыла на месте и мне казалось, что она эти два метра до смерти на камнях летела долго и медленно, летела несколько минут.

Наехала на камень и нырнула головой вперёд. Я бежала к ней, запнувшись за её шлем, который лежал передо мной. До сих пор не понимаю, как всё произошло. Я уверена, если бы Борис не сказал, что ей жить осталось 24 часа, она бы осталась жива. Он напрогнозировал ей смерть. Она ударилась головой о чёрный камень, о котором думала с самого Акташа.

Я звала её, но она уже была не со мной. Лежала и широко раскрытыми глазами смотрела на небо. А рядом лежали её часы. Они показывали 16.15. Как же так? 24 часа. Ровно 24 часа.

Эпилог

Руденко молчал. Факты придется пересмотреть. Из рассказа подозреваемой стало ясно: никто никого не убивал. Вот почему она в какой-то момент сказала: «Вы ничего не понимаете!»

Да, чего он к ней пристал? Тем более не за что зацепиться. Шить дело Кире он не будет. Тем более эта девушка тревожилась за подругу вполне реально, попытки остановить были, и она даже охрипла. Шлем Кира сдернула сама. А главное, Кира искренно винит себя и не ищет оправданий. Убийца так делать не будет.

Руденко не будет «стряпать обвинение». Не совсем же он скотина. Кто не знает, какие там места? Навернуться можно в два счета. Да так, что костей не соберешь. Ему случалось бывать там на машине — не проедешь. Девушки напоролась на камни. Травматизм велосипедов в тех местах высокий. Правда, никогда не было летального исхода.

Похоже, с Мариной произошло что-то необъяснимое. Чего она рванула?

Случайностью это не назовешь.

Марина сама ушла от мужа, специально на следующий день выбрала маршрут на Мёртвое озеро, напорочила себе «чёрный камень», сняла шлем перед фатальным спуском и рванула. Она хотела проверить, насколько реальна его угроза про «24 часа»? А может, ей что-то привиделось или её кто-то позвал? Ничего не докажешь.

— Почему вы ее не остановили?

Кира закрыла глаза и сказала:

— Не знаю. Я не верю, что это случилось. Еще на маршруте она прокричала нашу любимую фразу: «*Momenta cuncta novantur*». Мы в студенчестве эти слова часто повторяли. С латыни переводится: «Мгновения вечно сменяют друг друга». Вижу ее глаза, последнее, что она увидела — это небо. Держу её за руку, ору и плачу, а она, она улыбается. Понимаете? Она улыбается.

Москва. Сентябрь 2026 года.

Спаси меня, река

Рассказ

Посвящается тем, кто не отчаялся, а до конца искал выход

Записями о своём первом сплаве по реке поделилась со мной одна женщина, с которой я даже не был знаком. Сказала: «Хочу, чтобы Вы прочли». Я сделал, как она велела. История меня потрясла. Хотел спросить ее о некоторых моментах, но она больше не откликнулась, видимо, нелегко ей было ворошить то, что она тогда испытывала. Она написала о самом сокровенном, она выплеснула ту боль, что жила в ней, и точка.

1

Позади мой первый сплав по реке в компании совсем незнакомых людей. Как я решилась на него и что это были за люди — вспоминаю смутно, только отдельные эпизоды. Но я уж постараюсь.

Всему виной смертельный диагноз, который сообщили мне врачи. Я как предчувствовала: летом ушла с работы, а осенью услышала.

Ещё могу вспомнить те первые две недели, когда узнала диагноз, — это были первые числа сентября. Может, из-за школы я терпеть не могу первое, второе и так далее сентября. А тут такая новость. Не спала две недели, думала, умру от бессонницы раньше, чем от... Знаете, есть такой зверёк, филиппинский долгопят, с глазами, вывернутыми наружу, — вот я чем-то на него уже смахивала. Каждое действие оценивала с точки зрения смысла, а смысл никак не приходил. Началась история, когда страх жизненного тупика захватывает тебя до кончиков пальцев, — ты ищешь своё отражение в зеркале, луже или капле дождя, всерьёз опасаясь, что себя уже не найдёшь, что испарилась, как пар из чайника. Боишься, что тебя уже нет, ну бродит кто-то похожий на тебя, достаёт кубик льда из морозилки и бросает его не в стакан вина, а сразу в рот, потому что всё равно, какое там вино. Жуёшь кубик с хрустом, но хруст не радует, как в шаловливом детстве.

Призналась близкой подруге — она выудила у меня эту сногшибательную новость и поделилась этим со всеми нашими знакомыми. И что ж? Посыпались сообщения со словами поддержки «всё будет хорошо» и намёками: «если что, мы всё понимаем». Ага, спасибо, подруга. Не ожидала, но каждое сообщение — фальшь. От меня все отвернулись, как от чумной. А ничего, что мой ребёнок восьми лет может узнать правду, глядя на мой телефон и окно с электронной почтой? И я зачем-то спускалась на первый этаж к почтовому ящику, ждала писем из прошлого — где я была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.